

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ

И

ЕГО ЖИЗНЕОПИСАНИЕ.

Когда вышел третий том *Жизни П. И. Чайковского*, которым этот обширный труд закончился, я предполагал написать ряд фельетонов, как об этом томе, так и о предыдущих, взятых во всем целом. Помня один из этих фельетонов, касающийся третьего тома, я уехал на Черноморское побережье, предполагая оттуда выслать продолжение и притом имья съ собой слѣдующий фельетонъ уже оконченный, но который я хотѣлъ еще разъ просмотрѣть въ дорогѣ. Путешествіе навело меня, однако, на новыя мысли о томъ, что предположенный мной планъ слишкомъ обширенъ и не совсемъ удобенъ для выполнения на страницахъ ежедневной газеты, а поэтому я отложилъ написанное въ сторону и теперь намѣреваюсь только закончить кратко то, что мною было уже написано о почтенномъ трудѣ Модеста Ильича Чайковского.

Не переходя, однако, прямо къ заключенію, я коснусь нѣкоторыхъ пунктовъ, чтобы не оставить третьяго тома совсемъ почти безъ разсмотрѣнія.

Годъ назадъ, по поводу втораго тома *Жизнеописанія*, я пытался характеризовать письма Чайковского, служившія главнымъ его содержаніемъ, какъ матеріалъ не совсемъ точный и требующій иногда критическаго отношенія къ нему. Теперь, въ третьемъ томѣ, приведенъ слѣдующій отрывокъ изъ дневника:

„Мнѣ, кажется, что письма никогда не бываютъ вполне искренны. Сужу по крайней мѣрѣ по себѣ. Къ кому бы и для чего бы я ни писалъ, я всегда забочусь о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ письмо не только на корреспондента, а и на какого-нибудь случайнаго читателя. Слѣдовательно я рисуюсь. Иногда я стараюсь, чтобы тонъ письма былъ простой и искренній, то-есть, чтобы такъ казалось. Но кромѣ писемъ, писанныхъ въ минуты аффекта, никогда въ письмѣ я не бываю самъ собой.“

Изъ писемъ послѣдняго рода, то-есть писанныхъ въ минуты аффекта, кажется, ни одно не попало въ печать, чему слѣдуетъ только радоваться, ибо истиннаго Чайковского въ нихъ бы совсемъ не оказалось, а были бы только изображенія его аномальнаго состоянія. Что же касается остальныхъ писемъ, то Чайковскій говорить о нихъ приблизительно сходно съ тѣмъ, что годъ назадъ говорилъ и я. Дѣланная простота и задумчивость тона въ письмахъ иногда чувствуется, не нуждаясь въ подчеркиваньи, но объясняется она просто тѣмъ, что Петру Ильичу приходилось часто писать письма не потому, что онъ хотѣлъ ихъ писать, а потому, что считалъ себя *обязаннымъ* это дѣлать.

Никогда почти не чувствуя потребности въ искреннихъ изліяніяхъ, онъ поневоля долженъ былъ что-нибудь придумывать, сочинять кажущееся содержаніе при полномъ его отсутствіи. Это были своего рода литературныя уиращенія, въ которыхъ онъ вырабатывалъ огромную технику, позволявшую ему продѣлывать ихъ съ величайшею легкостью и быстротой. Что касается безсодержательности большинства писемъ Петра Ильича, то въ настоящее время она обы-

вается актомъ мудрости, хотя и безсознательнымъ, — со стороны ихъ автора, препятствуя толкованіямъ и выводамъ, которые часто вызываютъ посмертныя изданія писемъ знаменитыхъ людей.

Капитальнымъ недостаткомъ всего подбора писемъ, напечатанныхъ въ жизнеописаніи Чайковского, является недостатокъ тонъ письма, въ которомъ недостаточно проглядываетъ жизнерадостная бодрость Петра Ильича, составлявшая одну изъ отличительныхъ чертъ его характера. Дымка элегическаго настроенія, наружно облекавшая Петра Ильича, въ сущности была поверхностна и служила скорѣе отраженіемъ его впечатлительности и мягкой жалостливости, ему присущей, нежели его основнаго характера. Въ глубинѣ души онъ былъ полонъ спорнаго наслажденія жизнью, прелесть которой умѣлъ цѣнить во всемъ, начиная съ окружающей его природы.

Можно опасаться, что этотъ подлинный и основный характеръ всей натуры и всего міросозерпанія Петра Ильича выступить недостаточно ясно въ его жизнеописаніи изъ-за тѣхъ мелкихъ жалобъ и капризнаго нервничанья, которыя такъ часто встрѣчаются въ его письмахъ, нерѣдко порождаемыхъ самими письмами, то-есть необходимостью ихъ писать. Мнѣ случалось видѣть, какъ онъ, раздраженный, съ проклятіями отправлялся заниматься корреспонденціей, а потомъ черезъ часъ или полтора возвращался спокойный и веселый, между тѣмъ, какъ въ письмамъ, вѣроятно, говорилъ и объ огорченіяхъ, и о нездоровьѣ, отражая въ этомъ досаду на скучное занятіе.

Послѣднія восемь лѣтъ въ жизни Чайковского большое мѣсто занимало дирижированіе своими сочиненіями, ради чего сдѣлано было много болѣе

или менѣе продолжительныхъ поѣздокъ за границу, а иногда и въ Россіи, сопряженныхъ съ потерей времени, денегъ и чрезвычайнымъ насилиемъ надъ своею натурой. Это было очень печальное и ошибочное увлеченіе, быть-можетъ отчасти повліявшее и на преждевременность кончины добровольнаго мученика.

Дирижерство было для Петра Ильича всегда истиннымъ мученіемъ, начиная съ его перваго опыта, начется, въ 1868 году и до послѣдняго выхода въ Петербургъ, въ октябрѣ 1893 года, когда онъ дирижировалъ только что написанною имъ патетическою симфоніей. Онъ вообще былъ застѣчивымъ человѣкомъ, но едвали въ чемъ другомъ застѣчивость его проявлялась въ такой сильной степени, какъ въ дирижерствѣ. Становясь передъ оркестромъ, онъ совершенно терялся и рѣшительно забывалъ и сочиненіе—хотя свое же собственное,—и все свои предположенія относительно исполненія. Отсутствие увѣренности и растерянности выражалось даже въ движеніяхъ палочки, которую онъ махалъ всею рукой, начиная отъ плеча, какъ будто совершая тяжкую физическую работу. Опытъ 1868 года, о которомъ говорится на стр. 285—286 т. I *Жизни П. И. Чайковского*, сдѣлалъ такое впечатлѣніе, что виновникъ опыта, Н. Г. Рубинштейнъ, больше никогда уже не возобновлялъ его, да и самъ Петръ Ильичъ тогда зарекся было отъ дирижерства.

Толчкомъ, заставившимъ опять взяться за это несвойственное ему дѣло, была постановка *Черевичекъ* на сценѣ Большаго театра, въ сезонѣ 1886—1887 года. Постановка была не только рѣшена, но и вся матеріальная подготовка для нея сдѣлана, когда капельмейстеръ, г. Альтани, захворалъ и на весь сезонъ долженъ былъ

отказаться отъ исполненія своихъ обязанностей. Большой театръ и тогда находился въ такомъ положеніи, что нездоровье капельмейстера парализовало все его силы; *Черевички* приходилось или отложить на цѣлый годъ, или приискать замѣстителя г. Альтани. Естественно явилась мысль предложить сдѣлаться замѣстителемъ для своей оперы самому композитору, что допускаютъ и театральныя правила, а композитору такъ хотѣлось услышать одно изъ любимыхъ сочиненій, что онъ, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился.

На этотъ разъ опытъ совершался при очень благоприятныхъ условіяхъ. Во первыхъ, оркестровымъ репетиціямъ предшествовали фортепианныя. На фортепиано Петръ Ильичъ аккомпанировалъ превосходно, никогда не чувствуя ни малѣйшаго смущенія; на этихъ репетиціяхъ онъ успѣлъ себѣ выяснитъ темпъ—что всегда было для него большою трудностью—и вообще подготовиться лучше, нежели когда-либо впоследствии. Когда пришлось перейти къ оркестру, то онъ встрѣтился съ его стороны полнѣйшую готовность сдѣлать все возможное, а это—лучшій залогъ успѣшности исполненія, ибо симпатія и уваженіе оркестра къ своему дирижеру даютъ самую лучшую дисциплину, какую можно пожелать. Твердо заучивши темпъ и отѣвни, Петръ Ильичъ, даже и растерявшись нѣсколько на первой репетиціи, могъ уже совершенно мапьяльно давать ясныя указанія, а хорошій ходъ репетиціи и сочувствіе къ нему оркестра очень скоро ободрили его и дали нужное самообладаніе.

Самообладаніе есть необходимѣйшее качество дирижера, но далеко не все, что дается. У Петра Ильича оно являлось при дирижерствѣ очень рѣдко, вслѣдствіе особенно благоприятныхъ

обстоятельствъ, какъ, напримѣръ, на репетиціяхъ *Черевичекъ*—и тогда онъ могъ быть капельмейстеромъ вполне удовлетворительнымъ. Не отваживаясь на особенно тонкіе отѣвни, не рѣшаясь прибѣгать къ болѣе или менѣе выпуклымъ эффектамъ, онъ тѣмъ не менѣе могъ объяснить оркестру въ общихъ чертахъ свои намѣренія, а этого и достаточно, ибо оркестру нужно только понять замыселъ дирижера, чтобы немедленно исполнитъ все, насколько позволяютъ его, то-есть оркестра, исполнительскія средства; если существуютъ капельмейстеры-долбильды, то лишь потому, что не умѣютъ или совсемъ не могутъ ясно выразитъ свои намѣренія оркестру.

Черевички были выучены и трижды или четырежды исполнены подъ управленіемъ композитора, причемъ ему все время дѣлалась восторженныя оваціи. Дирижировалъ онъ настолько удовлетворительно, что не обращалъ на себя вниманія, а это въ оперномъ капельмейстерѣ составляетъ, хотя отрицательное, однако все же достоинство.

Главнымъ образомъ самъ онъ чувствовалъ, что справился съ дѣломъ неплохо, и что это совсемъ не особенно трудно и нисколько не мучительно; такое сознаніе и ободрило его на дальнѣйшіе капельмейстерскіе подвиги, о чемъ, пожалуй, слѣдуетъ пожалѣть.

Когда начались концертныя путешествія Чайковского за границей, то его извѣстность уже была широко распространена не только въ Западной Европѣ, но и въ Америкѣ. Издатель его сочиненій П. И. Юргенсонъ гораздо раньше говорилъ, что одно изъ концертныхъ учрежденій Нью-Йорка предлагало особую плату за то, чтобы новыя сочиненія доставлялись для исполненія раньше, нежели поступали въ общее пользованіе. Когда былъ напечатанъ 1-й кварталъ

его, то-есть въ началѣ 70-хъ годовъ, то изданіе расходилось главнымъ образомъ не въ Россіи, а въ Германіи. Лучшие музыканты Европы и серьезные любители музыки уже знали сочиненія Чайковского и интересовались ими; что же касается до такъ-называемой большой публики, своими восторгами и оваціями санкционирующей успѣхъ артиста, то она вездѣ не болѣе, какъ Панургово стадо, съ одинаковою легкостью одушевляющееся восторгами, какъ и забывающее ихъ.

Западно-европейскому Панургову стаду Чайковскій своими концертными поѣздками сдѣлался, конечно, извѣстенъ, но для прочнаго успѣха его сочиненій поѣздки эти едвали имѣли значеніе. Стоить вспомнить Парижъ, гдѣ недостатка въ восторгахъ, кажется, тоже не было, но достаточно было Чайковскому не угодить одинъ разъ тузамъ или тузу концертнаго предпринимательства въ Парижѣ, чтобы его тамъ основательно забыли чуть не на 10 лѣтъ. Разсказъ объ этомъ случаѣ помѣщенъ въ томѣ III, стр. 589—595, *Жизни П. И. Чайковского*.

Большое количество поѣздокъ и большая неурядица въ нихъ зависѣли отъ внимательства третьяго лица, пожалуй бывшаго искренно расположеннымъ къ Чайковскому, но рѣшительно непонимавшаго его требованій и стремленій. Это третье лицо было концертнымъ агентомъ безъ агентуры и, кажется, безъ опредѣленныхъ занятій. Ему пришла счастливая для него мысль воспользоваться извѣстностью Чайковского и на ней укрѣпить свою дѣятельность. Такимъ образомъ онъ взялъ на себя посредничество между Чайковскимъ и разными концертными учрежденіями, а такъ какъ Петръ Ильичъ никакихъ денежныхъ требованій не предъявлялъ, до-

вольствуясь всяким гонораромъ, то устроить его участіе въ концертахъ было не особенно трудно. Оплата разъѣздовъ и хлопотъ агента едва ли не превышала сумму гонорара и вызывала вѣсть съ тѣмъ весьма значительные расходы Петра Ильича на путешествія и пребываніе въ различныхъ мѣстахъ, въ ожиданіи времени того или другаго концерта.

Агентъ, согласно съ традиціями своей профессіи, старался муссировать извѣстность Петра Ильича въ печати тѣхъ городовъ, куда онъ прѣзжалъ, подбирая группы охотниковъ до чествованія извѣстныхъ людей устраивать каніе-нибудъ „Frühshorfen“ въ честь прѣзжаго, а прѣзжіи сначала даже и не понималъ, отчего ему приходится попадать на такіа скучныя и утомительныя для него сборища.

Выбитый изъ привычной жизненной колеи, не имѣя ни спокойствія, ни досуга, чтобы заняться какою-нибудь работой, Чайковскій былъ истиннымъ мученикомъ, какъ онъ увѣрялъ себя, дома, воображая, что его заграничныя успѣхи важны для русскаго искусства вообще. Между прочимъ, онъ весьма обижался на то, что русская печать мало обращала вниманія на эти успѣхи. Не знаю, какъ относились другіе музыкальные хроникеры, но я положительно стѣнялся говорить о нихъ, вопервыхъ, потому, что немногія лишь изъ его участій въ концертахъ были мнѣ симпатичны, а вовторыхъ—я просто находилъ прославленіе подобныхъ успѣховъ унижательными для достоинства Чайковскаго и для русскаго искусства, какъ будто это достоинство и значеніе русскаго искусства должны намъ открывать заграничныя успѣхи, а не наше собственное сознаніе.

Чайковскій не сдѣлалъ ни малѣй-

шихъ успѣховъ въ дирижерствѣ и оставался передъ оркестромъ до конца такимъ же безпомощнымъ, какимъ былъ и въ началѣ. Въ послѣдній свой прѣздъ въ Петербургъ, на репетиціяхъ исполнявшейся впервые шестой симфоніи, онъ самъ пришелъ въ отчаяніе отъ своей неумѣлости и накануне дня концерта обратился къ Э. Ф. Направнику съ просьбой, продирижировать симфонію вмѣсто него, но получилъ отказъ, ибо освоиться въ одну оставшуюся репетицію съ новымъ и очень сложнымъ сочиненіемъ было невозможно—и пришлось дирижировать самому. Исполненіе было, вѣроятно, отнюдь не блестящее и, навѣрное, дорого стоило композитору, сознававшему, что онъ самъ портитъ свое произведеніе.

Свою пятую симфонію исполненіемъ въ Россіи и за границей онъ со-всѣмъ было уничтожилъ, такъ что воскрешать ее довелось уже послѣ смерти Чайковскаго г. Нивису, у котораго она вездѣ имѣетъ огромный успѣхъ. Какъ трудно судить о самомъ себѣ, видно изъ того, что Чайковскій готовъ былъ допустить провалъ пятой симфоніи скорѣе самому сочиненію, нежели своему исполненію, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это одно изъ его лучшихъ произведеній. Только невозможностью судить о себѣ и можно объяснить заблужденіе, заставлявшее такой талантъ братья за дѣло, совершенно ему неподходящее, и бесплодно тратя свои дорогія силы и время.

Болѣе другихъ симпатична его поѣздка въ Америку, хотя-бы потому уже, что за нее заплачено было хорошо, и если у Петра Ильича ничего почти не осталось, то причиною тому былъ его особый талантъ—очень скромно и незамѣтно тратя много денегъ. Хорошее вознагражденіе прежде всего

свидѣтельствуетъ о томъ, что данный предметъ высоко цѣнится, а люди такъ ужъ устроены, что очень немногіе изъ нихъ умѣютъ цѣнить даровыя услуги или вообще дешевые предметы по ихъ достоинству. Я увѣренъ, поэтому, что въ глазахъ очень многихъ, даже не совсѣмъ заурядныхъ людей, Чайковскій ронялъ себя цѣну своимъ безкорыстіемъ и отсутствіемъ всякихъ претензій.

Чтобы слова мои не показались парадоксомъ, я укажу для примѣра на поѣздку въ 1892 году въ Вѣну для концерта на бывшей тогда театрально-музыкальной выставкѣ. Я былъ тамъ мѣсяцемъ раньше Чайковскаго и присутствовалъ на многихъ концертахъ въ Music-Halle. Обыкновенно это были чисто ресторанныя концерты, въ концѣ которыхъ неизмѣнно игрался одинъ изъ вальсовъ Штрауса, хотя передъ тѣмъ въ программу входили и Бетховенъ, и Мендельсонъ, и другіе изъ знаменитыхъ композиторовъ. Оркестръ былъ недуренъ, но слабъ по составу—три пюльта скрипокъ, два или три контрабаса и т. д. Однако, когда прѣзжалъ извѣстный итальянскій капельмейстеръ Манчинелли, то оркестръ былъ удвоенъ; тоже сдѣлано было позже и для Сенъ-Санса. Прочитывая же письма Петра Ильича съ выставки (Т. III, стр. 566—70), видишь, что за его скромность никто его не встрѣтилъ, оркестръ ему дали въ составѣ ресторанныхъ концертовъ и вообще отнесли къ нему совсѣмъ запросто. А между тѣмъ извѣстность и репутация Чайковскаго въ Вѣнѣ отнюдь не уступали извѣстности Манчинелли или Сенъ-Санса, но тѣ, прежде всего, вѣроятно, выговорили себѣ вознагражденіе такое, чтобы не остаться отъ поѣздки въ убыткахъ. Чайковскій этого, конечно, не сдѣлалъ, а выставочная администрація поэтому

и поставила его въ разрядъ заурядныхъ дирижеровъ, или начинающихъ молодыхъ людей, которые выступали въ ресторанныхъ концертахъ выставкѣ, такъ что Чайковскому только и оставалось бѣжать оттуда.

У него нѣрѣдко проглядывало вполне ясное сознаніе бесполезности своей дирижерской дѣятельности, но вслѣдъ затѣмъ онъ опять куда-нибудь вѣхалъ, терзался, мучился, давалъ клятвы, что это въ послѣдній разъ—и опять принималъ новыя приглашенія. Даже передъ самою смертью своей Чайковскій взялся продирижировать въ Петербургѣ четырьмя концертами Музыкальнаго Общества, а извѣстный композиторъ Свендсенъ, живущій въ Копенгагенѣ, спустя два года рассказывалъ мнѣ, что, узнавъ изъ телеграммъ въ газетахъ о смерти Чайковскаго, онъ вслѣдъ затѣмъ получилъ его письмо, писанное до начала болѣзни, гдѣ онъ извѣщалъ о предстоящемъ прибытіи въ Копенгагенъ и спрашивалъ, когда именно ему удобнѣе будетъ выступить въ концертъ? Значитъ, была предположена опять концертная поѣздка и, конечно, не для одного Копенгагена.

Повидимому, жажда успѣховъ, овацій и популярности была сильнѣе и собственного сознанія, и тѣхъ страданій, какия поѣздки этого рода всегда вызывали. Въ этомъ увлеченіи можно, между прочимъ, видѣть примѣръ того, какъ мало жилъ Чайковскій умомъ: онъ отлично понималъ, что поступаетъ неразумно, тратя время бесполезно для себя и для другихъ, но совладѣть со своимъ увлеченіемъ было выше его силъ.

Въ силу той же погони за европейскою извѣстностью и популярностью, Чайковскій чуть ли не въ самые послѣдніе дни или недѣли жизни заключилъ съ директоромъ театра

въ Гамбургѣ, Поллини, условіе на постановку его оперъ въ Германіи, предоставивъ ему всѣ права и выгоды, въ надеждѣ, что онъ, съ его умомъ и вліяніемъ на театральное дѣло, будетъ способствовать распространенію этихъ оперъ на германскихъ сценахъ; на дѣлѣ же это оказалось тормазомъ для распространенія, ибо Поллини къ желающимъ предпринять постановку какой-либо изъ оперъ Чайковскаго предъявлялъ настолько тяжелыя требованія, что заставлялъ отъ нея отказать. Не знаю, какъ обстоятъ это дѣло въ настоящее время, когда Поллини давно уже умеръ.

Модестъ Ильичъ Чайковскій заслуживаетъ величайшей признательности за огромную работу, имъ выполненную по собиранію матеріаловъ, приведенію его въ порядокъ и, наконецъ, за его литературный трудъ, нынѣ законченный. Не будь его преданной энергіи, едва ли кто другой могъ бы сдѣлать ту же работу, на которую нужно было употребить нѣсколько лѣтъ жизни. За то теперь имя Модеста Ильича навсегда стало неразлучнымъ съ именемъ его брата, памяти котораго онъ оказалъ огромную услугу. Критиковать такую работу и находить въ ней недостатки очень легко, но для ея выполненія нуженъ былъ огромный запасъ энергіи и умѣнья взяться за это дѣло и, сверхъ того, преданная любовь къ памяти близкаго человѣка, ради которой только и можно было предпринять подобный подвигъ.

Какъ уже случалось говорить раньше, я считаю трудъ М. И. Чайковскаго въ большей степени матеріалами для біографіи П. И. Чайковскаго, нежели вполне законченною біографіей; особенно это можно сказать о второмъ томѣ, гдѣ въ біографіи соб-

ственно и разобраться трудно. За тѣмъ М. И. Чайковскій ставитъ себя какъ то въ сторонѣ отъ своего же произведенія, вслѣдствіе чрезмѣрнаго старанія сохранить объективное отношеніе къ предмету.

Мнѣ кажется это ошибочно, потому что біографъ долженъ быть правдивъ по отношенію къ самому себѣ, а насильственная, вышняя объективность не есть правдивость; на документы и показанія другихъ лицъ можно ссылаться, но постоянно выставлять ихъ вмѣсто собственного мнѣнія есть, по моему мнѣнію, приемъ не совсѣмъ вѣрный, ибо онъ даетъ отгѣнокъ сухости, доходящей до деревянности.

Большой пробѣлъ составляетъ также отсутствіе анализа сочиненій, ибо они составляютъ главную сущность жизни художника-творца; это обстоятельство заставляеть въ особенности желать, чтобы кто-нибудь, воспользовавшись уже собраннымъ матеріаломъ, написалъ цѣльную картину преимущественно художественнаго развитія композитора, вложившаго въ свои произведенія всю свою душу. Модестъ Ильичъ, напримѣръ, склоненъ видѣть въ самомъ концѣ жизни своего брата какой-то поворотъ въ его міросозерцаніи, на основаніи спокойствія, съ какимъ онъ отнесся къ цѣлому ряду смертей близкихъ ему лицъ, а для меня это просто объясняется сочиненіемъ послѣдней симфоніи, гдѣ скорбное чувство, соединенное съ идеей смерти, нашло чрезвычайно сильное выраженіе. Въ жизни такого впечатлительнаго художника, цѣликомъ переживавшаго создаваемые имъ образы, какимъ былъ Чайковскій, эти созданія фантазіи составляли едва ли не болѣе существенную сторону существованія, нежели такъ-называемая

дѣйствительная жизнь. У такихъ субъективныхъ художественныхъ натуръ образы подчиняютъ себѣ умъ, относящійся къ нимъ какъ къ самой дѣйствительной сущности, превозмогающей все остальное въ данный моментъ жизни.

Въ трехъ томахъ *Жизни П. И. Чайковскаго* дано много для знакомства съ его внутреннею жизнью, преимущественно какъ челоѣка и родственника, а если избранная форма изложенія не даетъ особенной ясности и послѣдовательности, то съ этимъ можно мириться за обиліе детальныхъ чертъ, иногда характеризующихъ лучше описаній.

Въ богатомъ архивѣ, собранномъ авторомъ жизнеописанія, вѣроятно, найдется матеріалъ писемъ, который можно бы издавать въ видѣ дополнительныхъ томовъ. Вѣроятно, также имѣются письма музыкантовъ или вообще выдающихся людей къ Чайковскому, которыя было бы интересно увидѣть въ печати; помнится, напримѣръ, мнѣ приходилось какъ-то читать у Чайковскаго большое и любопытное письмо Ганса фонъ-Бюлова, а также очень интересное письмо о *Пиковой Дамѣ* другаго корреспондента—все такіе документы слѣдовало бы, кажется, обнародовать.

Но, кромѣ того, настоятельно нужна біографія *композитора* Чайковскаго, гдѣ въ связи съ его жизнью описывались бы его созданія, тѣмъ болѣе, что русскою публикѣ значительная ихъ часть почти неизвѣстна; такая біографія должна бы до извѣстной степени опредѣлить мѣсто и значеніе Чайковскаго въ исторіи искусства. Хотя, быть-можетъ, мы еще слишкомъ близки къ нему для такой оцѣнки, но во всякомъ случаѣ опытъ слѣдовало бы сдѣлать.

Н. КАШКИНЪ.